

**Военная хитрость как составная часть
полководческого искусства генерал - фельдмаршала
М. И. Голенищева-Кутузова**

Величие действительно великого полководца кроется прежде всего в его неординарности, в непохожести на военное искусство других больших воителей — современников и предшественников. Каждый из великих полководцев в войнах имел свой почерк, обязательно в чем-то отличавшийся от других. Но в истории войн, пожалуй, не было полководца, который в действиях против своего противника не применял бы военную хитрость. В бесконечном перечне войн противоборствующие стороны всегда широко прибегали к различного рода ухищрениям, уловкам, вводящим в заблуждение врага относительно своих истинных намерений.

Древний мыслитель Джаммапада, живший в V в. до н. э., так оценивал хитрость, примененную в войне: «Что бы ни сделал враг врагу или же ненавистник ненавистнику, ложно направленная мысль может сделать еще худшее»ⁱ. Древнекитайский военный теоретик и полководец Сунь-цзыⁱⁱ считал осторожность и хитрость важнейшими принципами военного дела. В своих избранных трудах по военному искусству он писал: «Не надейтесь смирить вашего противника ценою битв и побед, помните, что... бывают случаи, когда высший успех приближает вас к позору и поражению. Старайтесь победить, не давая сражения. Великие полководцы достигают успеха, раскрывая тайную игру противника, разрушая его планы, поселяя разлад в его войска, постоянно держа его в возбужденном состоянии, отнимая возможность предпринять что-либо выгодное и получать подкрепления...»ⁱⁱⁱ

Большое значение военной хитрости придавал известный философ и политик эпохи Возрождения (XVI в.) Никколо Макиавели. Не будучи человеком военным, он в своем трактате дал блестящий анализ развития военного искусства, особо выделив приемы обмана противника. «Лучший замысел, — писал он, — это тот, который скрыт от неприятеля»^{iv}.

Взгляды на военную хитрость как на элемент военного искусства в истории отечественной военной мысли начинают оформляться в более или менее стройную систему при императоре Петре I. Он создает новые способы и приемы вооруженной борьбы, мастерски использует местность и выгодные условия, активно применяет засады, налеты, демонстрации. Военная хитрость полководца Петра I являлась одной из основ его побед. Характерно высказывание Петра Великого, касающееся способов боевых действий русской армии со Швецией в ходе Северной войны 1700-1721 гг.: «... Искание генерального боя суть опасно — в единый час все ниспровержено; того для лучше здоровое отступление, нежели безмерный газард»^v. Военная хитрость Петра I в этом случае, как известно, преследовала цель ослабить шведскую королевскую армию Карла XII, заманить ее в глубь страны и организовать собственные силы должным образом. В результате полевая действующая армия Швеции после Полтавы и Переволочны перестала существовать как таковая.

Широкое применение военной хитрости в русской армии тесно связано с именем русского военного гения генералиссимуса А.В. Суворова-Рымникского. Сущность военной хитрости в его «Науке побеждать» образно выражена в следующих словах: «Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух и трехстах и больше. Вдруг мы на него как снег на голову. Закружится у него голова...»^{vi}

Полководец А. В. Суворов большое значение придавал маскировке своих действий. Суворовская тактика всякий раз изменялась в соответствии с конкретной обстановкой. При этом применялись новые, оригинальные способы и приемы, которые вводили противника в заблуждение, поскольку были противоположны тактическим способам и приемам противника и вызвали противоречия с точки зрения принятых теоретических положений, применявшихся по привычке.

Суворовская полководческая школа была новым явлением в русском военном искусстве. Из этой школы вышло немало талантливых военачальников и полководцев, которым судьба уготовила участие и возможность отличиться в Отечественной войне 1812 года. Прежде всего это были участники беспримерного в мировой военной истории штурма крепости Измаил, Итальянского и Швейцарского походов русской армии в 1799г. Среди них такие

прославленные воители Российского отечества, как генералы от инфантерии П. И. Багратион, М. А. Милорадович и, разумеется, генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов.

Свое дальнейшее развитие военная хитрость, как составная и неотъемлемая часть военного искусства, получила в боевой практике Кутузова. Более того, победитель наполеоновской Великой армии в Отечественной войне 1812 года стал родоначальником новой, «именной» школы отечественного военного искусства. Одной из отличительных сторон его полководческого искусства стало активное применение приемов скрытности и введения противника в заблуждение. Однако не меньшей военной хитростью, как полководец, обладал в 1812 г. его противник в лице императора французов Наполеона I Бонапарта.

Великий знаток русского языка С. И. Ожегов толковал образ хитрого человека следующим образом:

- 1) изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-нибудь;
- 2) лукавый, обнаруживающий какой-нибудь скрытый умысел, намерение;
- 3) изобретательный, искусный в чем-либо;
- 4) замысловатый, мудреный^{vii}.

Думается, что все эти черты образа «хитрого человека» были присущи двум оппонентам в стратегическом противоборстве — русскому Главнокомандующему М. И. Голенищеву-Кутузову и создателю Великой армии Французской империи Наполеону. Это противоборство развернулось между ними после того, как русская армия оставила Москву французам, а завоевателям пришлось в скором времени оставить превращенный в пепелище огромный город.

Полководца Наполеона Бонапарта можно считать большим мастером дезинформации противника. Еще в Италии он своими ложными движениями не раз ставил в затруднительное положение австрийское командование, заставляя его рассредоточивать свои силы. В ходе русско-австро-французской войны 1805 г. и русско-пруско-французской войны 1806—1807 гг. параллельными движениями своих корпусов Наполеон стремился хотя бы на какое-то время ввести в заблуждение противника относительно своих истинных намерений.

У Кутузова «школа» военной хитрости на поле брани была не меньшей. В его боевой практике военная хитрость, изложенная в суворовской «Науке побеждать», получила свое дальнейшее развитие, преломление в духе современного уровня военного дела и военного искусства. Суворовская полководческая школа стала той основой, на которой создавалась кутузовская полководческая школа со всеми ее составными элементами.

О взглядах Кутузова на военную хитрость свидетельствуют официальные боевые документы, касающиеся его полководческой деятельности. Одни из самых показательных в этом отношении — документы Главнокомандующего Молдавской (Дунайской) армии во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в которой великий русский полководец получил возможность, без императорской опеки Александра I, продемонстрировать все свое военное дарование. Так, в знаменитом сражении под дунайской крепостью Рушук русский главнокомандующий, делая вид, что преследует разгромленное войско османов, на самом деле оставил свои полки на месте сражения. В день 22 июня 1811 г. в два часа пополудни великий визирь, видя поражение своей многотысячной конницы, оставил занимаемые позиции и отступил в свой укрепленный лагерь между Писаницы и Кадыкной, ожидая там незамедлительного нападения русских (которые по всем канонам войны должны были закрепить Рушукскую победу). Но произошло нечто неожиданное и труднообъяснимое для султанского главнокомандующего и пашей турецкой армии. Русский полководец действительно решительно двинул весь свой боевой порядок вперед и, как казалось многим, начал преследовать разбитого неприятеля, нанося ему «стрелками и пушечными выстрелами» большой урон в людях и конях. Но достигнув брошенных вражеских полевых укреплений, русские войска неожиданно остановились. Кутузов выслал вперед только кавалерию, которая преследовала бежавшего неприятеля 10 верст, после чего получила приказание прекратить преследование и вернуться к своим главным силам. Главнокомандующий русской Молдавской армией осознавал, что победное дело под Рушуком не завершилось разгромом всей неприятельской армии, находившейся в Северной Болгарии. Он знал (на основе разведывательной

информации), что великий визирь под Рушуком не имел всей своей армии и потому султанская армия оставалась боеспособной. В донесении в Санкт - Петербург императору Александру I (от 23 июня 1811 г.) Кутузов докладывал: «Войска, пробыв до 7-ми часов вечера, возвратились по давно сделанному мною распоряжению в прежнюю позицию, неприятель в крепкие свои окопы между Кадыкной и Писанец. Неприятель спас свою артиллерию, прикрывая ее тысячами тридцатью конницы своей так, что в преследовании невозможно было малочисленной кавалерии нашу вдавать в видимую опасность, атакуя сии многочисленные толпы...»^{viii} Кутузов, хорошо усвоивший уроки и содержание той русско-турецкой войны и еще лучше знавший своего противника, писал: «Если пойдем за турками, то, вероятно, достигнем Шумлы, но потом что станем делать? Надобно будет возвращаться, как в прошлом году, и визирь объявил бы себя победителем. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмет-бея, и он опять придет к нам»^{ix}. Сразу же после Рушукского сражения русский полководец пошел на военную хитрость, ставшую классикой не только в отечественном военном искусстве. Он решил завлечь противника к берегам Дуная и даже на его левобережье, дезориентировав своими дальнейшими действиями. Одержав победу, он как будто присмирел, давая тем самым понять визирю, что победа эта обошлась нам слишком дорого и мы стали гораздо слабее прежнего. Именно по этой причине после 22-го числа на наших аванпостах «не было ни одного пистолетного выстрела», ни одного казака не было послано для разъездов к неприятельским позициям^x.

Кутузов принадлежал к числу тех больших полководцев, которые, идя на военную хитрость, одновременно стремились сделать ее скрытной не только от противника, но и от собственного окружения. Только этим можно объяснить многие последующие после Рушукской победы действия Главнокомандующего русской Молдавской армией. 27 июня он принимает совершенно неожиданное решение: приказывает оставить Рушук и правый, болгарский берег Дуная. Из захваченной с боя турецкой крепости Рушук выводятся все его жители, артиллерия, снаряды, в ряде мест подрывается цитадель. Русская армия переходит на правый, валахский берег Дуная.

Донесение о том, что русские по сути дела бросили Рушукскую крепость, за обладание которой они понесли такие большие потери, и ушли с болгарской земли в Валахию, на противоположный дунайский берег, в полном смысле этого слова ошеломило великого визиря. Он решил, что не он был разгромлен под Рушуком, а русские, что не он бежал с поля сражения, а его противник бежал подальше от захваченной им султанской крепости аж на другой берег Дуная.

В Стамбуле, не говоря уже о походном лагере турецкой армии, при таком неожиданном известии началось всеобщее ликование. От султана великий визирь, как Рушукский победитель, получил щедрые подарки. Главнокомандующему же русской Молдавской армии пришлось объясняться перед российским военным министром М. Б. Барклаем де Толли о своих действиях. Среди прочего, в письме Кутузова говорилось: «...Итак, несмотря на частный вред, который оставление Рушук следует сделать лично мне, я предпочитаю всегда малому сему уважению пользу государя моего, упразднив Рушук...»^{xi}

Военная хитрость русского полководца удалась на славу. Турецкий полководец сделал то, чего ему в той ситуации совсем не следовало делать — он с главными силами султанской армии перешел на левобережье Дуная и оказался в западне. Именно в огромную западню превратился для османов их походный лагерь у самого уреза реки под Слободзеей. Мировая военная история знает не много примеров, когда целая армия оказывалась бы в таком безвыходном положении, в каком оказалась армия Блистательной Порты в конце лета 1811 г. После форсирования турецкой армией Дуная показная «нерешительность» и «стеснительность» русского Главнокомандующего сразу же исчезла. Теперь ему предстояло умело воспользоваться плодами своей военной хитрости. Кутузов в письме военному министру М. Б. Барклаю де Толли (от 26 сентября) писал: «Необходимо нужно было запереть неприятеля таким образом, чтобы: 1) стеснить ему способы прокормления конницы, и 2) чтобы толпы их не могли, никак, объехать наш правый фланг и наделать каких-нибудь шалостей позади нас: тогда бы должно было отделять отряды и гоняться за неприятелем»^{xii}.

Под Слободзеей русский Главнокомандующий пошел еще на одну военную хитрость. Имея под своим командованием довольно многочисленную Дунайскую военную гребную флотилию, он не пошел на жесткое блокирование турецкого лагеря на левом берегу Дуная по речному руслу. Тем самым он, зная о том, что противник имел в лагере

слишком мало переправочных средств, дал возможность великому визирю Ахметпаше бежать на противоположный, болгарский берег, в Рушукскую крепость.

В действительности так оно и случилось. В ночь со 2 на 3 октября султанский главнокомандующий, «воспользовавшись сильным дождем и бурною погодою», бежал из армейского лагеря на небольшой лодке и беспрепятственно добрался до Рушука. Такое, вполне ожидаемое, известие Кутузов принял с видимым спокойствием и с откровенным удовлетворением, которое выразил следующими словами: «Если бы визирь не ушел, то некому было бы известить Султана о положении, в какое мы поставили его армию»^{xiii}.

В одном из донесений в Санкт - Петербург о так называемом «Слободзейском деле» Кутузов докладывал: «Неприятель, удачно обманутый и претерпевший на всех пунктах жестокое поражение, обратился в беспорядке в укрепления свои»^{xiv}. В словах «удачно обманутый» русский полководец давал объективную оценку проведенной им операции из категории военных хитростей на большой войне. В результате такой военной хитрости султанская армия перестала существовать. В десяти русско-турецких войнах подобная военная хитрость аналогов не имеет.

Военная хитрость русского полководца была по достоинству оценена. За «знаменитые заслуги и в особенности отличные подвиги и благоразумные воинские усмотрения, оказанные в течение настоящей против турок кампании Главнокомандующим Молдавскою армиею генералом от инфантерии Голенищевым-Кутузовым, пожаловано ему и потомству его графское Российской империи достоинство». Так гласил Высочайший указ (от 29 октября 1811г.^{xv}).

Военная хитрость Кутузова, которая, по сути дела, решила исход и подвела итоги русско-турецкой войны 1806—1812 гг., была отмечена многими исследователями еще в старой России. Отдавая должное полководческому дарованию Кутузова, его первый биограф Ф. Синельников, говоря о ратной деятельности полководца в 1811 г., не без восторга писал: «В сем походе, который чеки останется школою для всех тактиков, Кутузов показал себя во всем блеске чудесного своего величия... какая глубокая проницательность, какая редкая способность соображать случаи, какое чудесное искусство потребны были для того, чтобы с 30 тыс. человек прикрывать все завоеванные области и крепости, выманить турков из гор, уничтожить хитрые распоряжения мужественного визиря, с 20 тысячами разбить его на открытом поле под Рушуком, завести его в расставленные сети на левом берегу Дуная при Слободзее, запереть его, истребить все его средства за Дунаем, овладеть Силистриею и Туртукаем, совершенно отрезать его армию и в то же время прикрывать Малую Валахию, наконец.. принудить (Турецкую армию. — *АШ*) со всеми начальниками, со всею артиллериею к сдаче на волю победителю. Сей великий план начертан и исполнен Кутузовым»^{xvi}.

В далеком (от Дунайского театра военных действий) Париже внимательно и заинтересованно наблюдали за окончанием русской - турецкой войны. Наполеон Бонапарт желал видеть в Османской Порте союзника в предстоящем противоборстве с Российской империей и совсем не хотел видеть хотя бы часть сил русской Молдавской армии на пути Великой армии. Как великий полководец, император французов умел по достоинству оценить достижения на поле брани своих современников. Известно, например, как внимательно он изучал тактические ходы генералиссимуса А. В. Суворова-Рымникского, князя Итальянского в его Швейцарском походе 1799 г.

Не оставил Наполеон без самого пристального внимания и полководческое искусство Кутузова, хорошо знакомого французскому командованию по 1805, 1806 и 1807 гг. По донесениям дипломатов-французов из Стамбула, равно как и из российской столицы Санкт-Петербурга, в Париже были хорошо осведомлены о событиях на берегу Дуная, которые предрешили исход войны. Думается, Наполеон предвидел, что в ходе Русского похода 1812 г. ему придется встретиться на поле брани с достойным противником в лице Кутузова.

В истории мирового военного искусства Отечественная война 1812 года отмечена еще одним классическим примером удачного использования военной хитрости. Исполнителем ее оказался русский Главнокомандующий, а «удачно обманутым» неприятельским полководцем — Наполеон. Следует заметить, что наполеоновская полководческая судьба подобных примеров больше не знает.

Об «исчезновении» для французского командования огромной русской армии,

оставившей Москву, написано очень много. Тарутинский маневр — фланговый марш русской армии стал еще одним практическим воплощением в военном искусстве полководческой хитрости. Но в исполнении Кутузова она носила и^т характер, чем это было на берегах Дуная при Руцуке и Слободзее. Да и противник в центре России был совсем иной, гораздо более серьезный и более талантливый. Причем, едва ли не самым первым этот маневр оценил Наполеон: «...Хитрец Кутузов меня здорово обманул своим смелым маршем»^{xvii}. Думается, что «хитреца» в великом русском полководце великий завоеватель разглядел гораздо раньше 1812 г.

Да, Кутузов обладал даром стратегического предвидения, но таким же даром обладал и его противник в лице Наполеона. Последний, оказавшись в столь желанной Москве, быстро понял, что для него и его армии, прошедшей с победами пол Европы, огромная древняя русская столица может оказаться настоящей ловушкой. Лучшим подтверждением тому стал Тарутинский марш-маневр кутузовской армии. Тем более, что русский Главнокомандующий действовал в этом случае вопреки обычной логике — он не стал прикрывать полевой действующей армией собственную столицу.

При проведении Тарутинского марш-маневра Кутузов вновь, как и летом 1811 г. при Руцуке, хитрил со своими ближайшими военачальниками, не раскрывая им своего стратегического плана. Он опасался прежде всего утечки информации, которая могла стать достоянием неприятеля. Как и прежде, осторожный на войне полководец хранил свои планы в собственной голове, не доверяя их ни государю-императору, ни своим ближайшим помощникам, ни, тем более, бумаге.

Участник Тарутинских событий А. С. Норов вспоминал: «Только со второго перехода по Рязанской дороге, когда французы убедились, что он идет на Коломну, — он под строгою тайною открыл одним корпусным командирам (которые долго не понимали этого движения) весь свой план»^{xviii}. То есть русский Главнокомандующий сумел скрыть от окружающих (и от неприятеля тоже) план перехода с Рязанской дороги на Калужскую — до самого исполнения этого маневра.

Осуществляя Тарутинский фланговый марш-маневр, Главнокомандующий русской армии позаботился о дезориентировании неприятеля. 4 сентября у Боровского перевоза через реку Москву Кутузов приказал генералу Милорадовичу отправить казацкие полки для наблюдения за французским авангардом и прикрытия марша армии, а один полк донцов оставить на прибрежных высотах, чтобы противник мог их видеть и тем самым принять за арьергард русской армии. Разъясняя свой замысел Кутузов писал, что донские казаки «отступать должны, когда неприятель их к тому принудит и то по Рязанской дороге, которые потом могут опять присоединиться к армии тогда, когда неприятель откроет их фальшивое движение»^{xix}. Полковник лейб-гв. Казачьего (донского) полка И. Е. Ефремов блестяще справился с поставленной задачей. Только в селе Красная Пахра, на Старой Калужской дороге, отступавшей русской армии стал ясен замысел ее Главнокомандующего. Н. Е. Митаревский в своих воспоминаниях о войне 1812 года пишет о том дне: «Так вот зачем отдали французу Москву!.. Это их нарочно заманили в западню!» — расхваливали в армии Кутузова. Среди солдатской массы слышались не очень деликатные, но одобрительные возгласы: «Ай-да старик Кутузов! Поддел Бонапарта, как тот ни хитрил!.. Кутузов — тертый калач, Кутузов — старый воробей!..»^{xx}

Наполеон не сразу осознал замысел русского Главнокомандующего. Как опытный полководец, он дал приказ маршалу И. Мюрату следовать за отступившей из Москвы армией противника. Преследование (с 3 сентября) вел кав. отряд под командованием генерала О. Себастиани. Из-за усталости коней французы не смогли должным образом организовать разведку и потому при виде казачьего полка И. Е. Ерофеева у Боровского перевоза решили, что настигли арьергард кутузовской армии и последовали за ним. Полковник Ерофеев со своими донскими казаками, которые постоянными перемещениями перед глазами французов имитировали большое число конницы, увел неприятельский авангард на Рязанскую дорогу. Генерал Себастиани попался на эту удочку и довольно вяло стал преследовать русских, находясь при этом в постоянном ожидании, что вот-вот он увидит их главные силы. Однако ожидаемой встречи не произошло. Только через пять дней французы поняли, что идут по ложному направлению, что их просто обманули. Военная хитрость русских раскрылась французам только у Бронниц, и опытный в войнах командир кав. корпуса Себастиани, будущий маршал Франции, никак не мог понять: куда же девались главные силы русских, их действующая армия?

Себастиани немедленно доложил Мюрату о случившемся и откровенно признался, что был обманут искусным «фальшивым» движением русских. Мюрат, в свою очередь, отправил донесение маршалу Л. А. Бертье — начальнику штаба Великой армии, который был подлинным мозгом наполеоновской армии и не раз разгадывал хитроумные ходы противников. Мюрат писал в Москву отом, что кутузовская армия куда-то рассеялась.

Полководческий талант Кутузова при осуществлении Тарутинского марш-маневра, проявленная им военная хитрость выразилась еще в одном эпизоде. Русский Главнокомандующий у села Красная Пахра направил на Можайскую дорогу кав. отряд под командованием генерал-майора И. С. Дорохова для нападения на вражеские коммуникации. Этот армейский партизанский отряд уже в первые дни своих действий полностью оправдал надежды Кутузова. Когда в наполеоновском штабе стали ломать головы над донесением Мюрата, в тот же день (10 сентября) в Москву императору французов поступило еще одно боевое донесение. В нем говорилось о нападении крупных сил кавалерии русских на французский транспорт, двигавшийся с небольшим охранением по Можайской дороге. Это нападение совершил отряд Дорохова. Эти два известия на какое-то время привели Наполеона в замешательство. У него возникли серьезные опасения, что русский Главнокомандующий обманул авангард Мюрата и зашел в тыл Великой армии со стороны Можайской дороги, встав преградой между Москвой, захваченной французами, и наполеоновской Европой, что могло самым серьезным образом изменить стратегический план на русский поход императора французов. В тот же день (10 сентября) Бертье направил генералу Себастиани приказ Наполеона. В нем говорилось: «Его Величеству угодно, чтобы сносились с неприятелем только ружейными и пушечными выстрелами». В следующую ночь император французов отдает категоричный приказ: «Единственная цель, к которой вы должны стремиться, заключается в том, чтобы напасть на следы неприятеля, Меня уверяют, что Кутузов через Серпухов идет на Калугу. Обратитесь в эту сторону»^{xxi}.

Наполеон оказался в двусмысленном положении. Он находился в самом сердце России, имел боеспособную армию, но при этом не видел перед собой русской армии. Более того, зная, что она ушла из Москвы в южном направлении, он не знал, куда она двинулась и где сейчас находится. Он уже получил дополнительную информацию, что русский кав. отряд, действующий на Можайской дороге, авангардом русской армии не является.

Всерьез обеспокоенный Наполеон отряжает в помощь Мюрату польский корпус Понятовского, который направляется к Подольску, и сводный корпус под командованием Бессьера, начавший поиски армии противника на тульском направлении. Русской разведке не составило большого труда выяснить, чем занимаются эти силы французского командования. Принесенная армейской разведкой такая новость не могла не порадовать русского Главнокомандующего. Теперь он был окончательно уверен в том, что Наполеон «точно» потерял его следы. Это дало основание Кутузову в очередном донесении сообщить Александру I: «Неприятель, потеряв из виду нашу армию, и оставаясь в недоумении, посылает сильные отряды на различные пункты для открьтия нас»^{xxii}.

Военная хитрость русского полководца стала «притчей» у военных историков: двенадцать дней великий завоеватель Наполеон не знал, где находится и куда движется кутузовская армия. Двенадцать дней предводитель Великой армии, по сути дела, находился в бездействии, а его войска, очутившись в огромном, почти безлюдном городе, растеряли свой прежний наступательный пыл. Более того, они стали с каждым днем терять воинскую организованность, дисциплинированность и прежний образ действительно Великой армии. Лишь 14 сентября французские авангардные силы смогли обнаружить русский армейский лагерь в Красной Пахре. Но в ту же ночь Кутузов увел оттуда свою армию под Тарутино, на более удобную позицию, и стал возводить там укрепленный лагерь.

Фланговый Тарутинский марш-маневр стал образцом искусно исполненной военной хитростью. Результатом его стало изменение операционной линии русской армии и первой удачной реализацией кутузовского плана на военную кампанию 1812г. И что самое главное, удачно примененная военная хитрость стала той отправной точкой в войне, когда стратегическая инициатива стала уходить из рук Наполеона, чтобы оказаться в руках Кутузова.

Примечания

-
- ⁱ Цит. по: *Проценко А.* Энергия будущего. М., 1980. С. 3.
- ⁱⁱ Деятельность Сунь-цзы как полководца приходится на конец VI— начало V вв. до н. э.
- ⁱⁱⁱ Сб. материалов по Азии. Вып. XXXIX. СПб., 1889. С. 152.
- ^{iv} *Никколо Макиавелли.* О военном искусстве. М., 1939. С. 134.
- ^v Цит. по: *Разин Е.* История военного искусства. М., 1940. Ч. II. С. 373.
- ^{vi} *Суворов А. В.* Наука побеждать. М., 1987. С. 25.
- ^{vii} См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1978. С. 792.
- ^{viii} М. И. Кутузов. Документы. М., 1952. Т. III. С. 466.
- ^{ix} Там же. С. 502.
- ^x См.: *Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т.* Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 253.
- ^{xi} М. И. Кутузов... С. 480-481.
- ^{xii} *Петров А. Н.* Война России с Турцией 1806-1812 гг. Т. III. 1810, 1811, 1812. СПб., 1887. С. 292-293.
- ^{xiii} Там же. С. 309.
- ^{xiv} М. И. Кутузов... С. 576.
- ^{xv} Там же. С. 694.
- ^{xvi} Жизнь и военные подвиги генерал - фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева – Кутузова - Смоленского. СПб., 1913. С. 125-127.
- ^{xvii} *Шильдер Н. К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. Т. III. СПб., 1897. С. 378 прил.
- ^{xviii} *Бартнев П.* Русский архив. Т. III. 1881. С. 209.
- ^{xix} М. И. Кутузов... М., 1954. Т. IV. Ч. 1. С. 240.
- ^{xx} *Митаревский Н.Е.* Воспоминания о войне 1812 года. М., 1871. С. 91.
- ^{xxi} *Бартнев П.* Русский архив: Год четырнадцатый. Кн. II. М., 1876. С. 165-166.
- ^{xxii} Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710, ч. 2. Л. 5 об.